

К. Беше-Головко*

Рец. на кн.: *Васильева С. В.* Конституционно-правовой статус политической оппозиции. – М.: Институт права и публичной политики, 2010. – 234 с.

Книга С. В. Васильевой «Конституционно-правовой статус политической оппозиции» представляет особенный интерес в контексте современной российской действительности, поскольку реабилитирует применение понятия «политическая оппозиция» в юридической науке.

Сегодня российская конституционно-правовая теория находится в несколько деликатной ситуации. С одной стороны, свобода слова гарантирована и, таким образом, можно развивать свои взгляды, концепции, а также объективно использовать сравнительный опыт для анализа механизмов российского конституционного права. С другой стороны, объекты конституционного права пересекаются с объектами политических и других общественных наук: смежные сферы знаний нередко отличаются только собственными методологическими подходами. Обычно данный факт не вызывает особых трудностей, но осложняет изучение некоторых категорий, в том числе понятия «политическая оппозиция», имеющего важное политическое значение. В какой-то мере понятие «политическая оппозиция» было дискредитировано в юридической науке, поскольку слишком часто это явление ассоциировалось с действиями определенной части гражданского общества, которая намеренно, а иногда жестоко противодействует власти. Юристы ставили понятие «политическая оппозиция» в один ряд с понятиями «экстремизм», «несанкционированная манифестация» или связывали его с проблемами избирательного процесса. На самом деле, важность познания феномена политической оппозиции с точки зрения юридической науки связана не столько с выборным процессом, сколько с требованиями фундаментального развития конституционно-правовой теории в контексте укрепления демократических ценностей в современной России. Цель осмысления юридической наукой этого понятия четко поставлена во введении книги. Автор хочет разрушить ряд мифов, в частности миф о том, «что политическая оппозиция – это тема чисто политическая», хотя и не отрицает, разумеется, межотраслевого характера интересующего ее явления. Поэтому можно только приветствовать написание монографического исследования на данную тему.

Определяя свой объект, С. В. Васильева использует все возможности, предоставленные юридической наукой, т.е. сравнительный подход, исторический и политический контексты развития понятия, онтологический анализ, позитивизм, но без экстремального нормативизма. Богатство научного аппарата монографии позволяет глубоко и широко изучить явление политической оппозиции, опираясь на принцип политической конкуренции (гл. 1). Таким образом, определяется место политической оппозиции в контексте основного для демократических стран принципа политического плюрализма (с точки зрения теории и реальности), который, как известно, предусмотрен и Конституцией РФ.

Автор анализирует развитие в России феномена «партии власти», подчеркивая, что «в любом демократическом государстве необходимы механизмы ограничения чрезмерного доминирования одной партии, у которой большинство мест в парламенте и к которой лояльно правительство, а следовательно, имеются рычаги давления на всех участников политического поля». Во второй главе исследователь с онтологической точки зрения рассматривает роль и конкретное содержание действий политической

* Беше-Головко Карин – доктор публичного права Университета Монпелье I (Франция). E-mail: bechet.golovko@mail.com.

оппозиции. Амбивалентный характер деятельности политической оппозиции здесь особенно отчетливо прослеживается в связи с ее позитивной и деструктивной ролями. Как подчеркивает автор, политическая оппозиция «поддерживает в обществе и государстве атмосферу альтернативы мнений, обеспечивает их конкуренцию», в чем и заключается ее позитивная роль. Что касается «деструктивной» роли, когда деятельность оппозиции «связана с объективным конфликтом мнений» меньшинства и большинства, то здесь автору можно задать несколько вопросов.

Можно ли действительно называть оппозицией политическое меньшинство, которое сейчас представлено в парламенте? Когда конфликт мнений приобретает фундаментальный характер, т. е. когда он не может быть преодолен «техническим» компромиссом, то какие возможности выражения своего мнения политическая оппозиция имеет при нынешней политико-правовой системе? Ведь ясно, что она сразу оказывается *вне системы*, поскольку не располагает возможностью честно участвовать в выборах и, следовательно, в нормальном политическом процессе, почти не имеет доступа к СМИ и т. д. Тогда, конечно, она вынуждена развивать параллельную систему, в рамках которой у нее будет свое место, но которая, естественно, вредит интересам государственной системы как таковой. Конфликт в этой ситуации становится чрезмерно опасным: он уже не сводится к разногласию между большинством и оппозицией — к различию в их позициях по какому-то важному вопросу (что считается нормой при плюрализме), а выглядит как конфликт систем, что никак не укладывается в конституционно-правовое русло. В этом смысле оппозицию можно назвать «деструктивной», но стоит вспомнить, что причиной деструктивного характера так называемой несистемной политической оппозиции является сама нынешняя российская политическая система, причем не столько из-за несовершенства правового регулирования (здесь с автором монографии опять-таки можно поспорить), сколько из-за неадекватного, даже извращенного толкования и понимания носителями властных функций (от законодателя и судей до ОМОНа) права в целом и прав человека в частности.

В монографии С. В. Васильевой обсуждаются и другие важные проблемы, прежде всего проблемы модели статуса политической оппозиции (гл. 3) и ее правовой институционализации (гл. 4). Не имея возможности рассмотреть их здесь всесторонне, хотелось бы остановиться только на двух аспектах: конституционно-правовом значении политической оппозиции в современной России и сложном положении ее парламентского крыла.

В любых правовых системах место, предоставленное политической оппозиции, позволяет оценивать подлинность плюралистического характера соответствующей конституционной системы. Оппозиция по своей природе мешает. Она мешает потому, что ставит вопросы, на которые у политического большинства нет положительных ответов, а также предлагает ответы, не устраивающие большинство. Иначе говоря, политическая оппозиция заставляет политическое большинство рассматривать альтернативные пути развития страны, способные «вредить» интересам политического большинства, но служащие на благо государства. Однако правила, которым политическая оппозиция должна следовать, придуманы не ею: рамки ее действий находятся в полной зависимости от честности и «щедрости души» политического большинства. Это не согласуется с предположением о том, что в любой стране должны быть определенные механизмы защиты прав оппозиции, причем действующие системно, иначе они неэффективны и теряют смысл. Во-первых, это касается установления правового режима осуществления разных свобод, прежде всего свободы мысли и слова, на что автор справедливо обращает внимание. В конкретной плоскости та или иная правовая система может создавать больше или меньше трудностей для выражения оппозиционерами их мнения в СМИ, проведения ими манифестаций, организации забастовок, создания политических партий и т. д. Иногда такие сложности становятся непреодолимыми, в том числе с практической точки зрения. Во-вторых, действительность прав оппозиции будет зависеть

от ряда факторов: честности выборов (гарантирует периодическую и мирную сменяемость власти), независимости судебной системы (позволяет объективно рассматривать в судебном порядке конфликты власти с оппозицией), низкого уровня коррупции (обеспечивает соблюдение правовых норм госорганами) и высокого экономико-социального уровня развития общества. Только при наличии названных факторов оппозиция может эффективно реализовать свою миссию. В России сегодня затруднения, создаваемые властью для политической оппозиции, по сути, непреодолимы в силу некачественного характера законодательства и практики его применения. Встречаются, например, сугубо популистские «гарантии для оппозиции», такие как обязательство для Думы организовать, как минимум, раз в году встречу с политическими партиями, не имеющими избранных представителей в парламенте. Есть откровенно некачественные законы, как, допустим, Закон о гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами, где «защита прав» придумана исключительно для думских партий (что блокирует развитие других оппозиционных партий) и не учитывает ни рейтинг телеканалов, ни время выхода передач, обеспечивая, таким образом, чисто формальное равенство между партиями. Что касается исполнения законодательства, то, наблюдая, как Верховный Суд РФ защищает права политических партий в избирательном процессе, нетрудно представить себе уровень независимости судебной системы. Столь же хорошо известно, насколько сложно оппозиционным партиям зарегистрировать своих кандидатов на любые выборы, невзирая на многочисленные формальные реформы в данной области. Иными словами, для того чтобы политическая оппозиция заняла соответствующее положение, необходимы изменения и в правовой системе России, и в политической культуре страны. В конце концов, политическое большинство должно знать, что оно также может оказаться в оппозиции, а это, строго говоря, неизбежно в рамках нормального политического процесса.

Формально распределение ролей в парламенте позволяет четко определить, где большинство и какую оно исповедует политическую идеологию, где меньшинство и как оно сотрудничает с большинством, где подлинная оппозиция и можно ли к ней причислить меньшинство и т. д. Члены политических партий в парламенте представляют не столько сами политические партии, сколько плюрализм политических взглядов, существующих в обществе. В случае, когда непонятно, кто, где и «с какой стороны» находится, вся логика представительной формы демократии оказывается безнадежно искажена. Вследствие этого депутаты и от большинства, и от оппозиции теряют свою легитимность, потому что люди элементарно перестают им верить, в чем их совершенно невозможно упрекнуть. Декоративный характер распределения политических сил в российском парламенте уже не вызывает сомнений, что прекрасно иллюстрируется сложным положением С. М. Миронова (независимо от его политического будущего) — члена одной партии и представителя политического большинства, сформированного другой партией. Поэтому основной вопрос сводится к следующему: есть ли в российском парламенте политическая оппозиция? Вопрос, конечно, поставлен несколько провокационно, но декоративный характер официальной политической жизни России настолько исказил функционирование конституционных институтов, что ныне возник риск глобальной утраты доверия к ним и затем утраты легитимности всей государственной системы. Иными словами, только реабилитация политической оппозиции как основного правового института позволит государственной системе действовать должным образом и соответствовать закону.

В заключение можно только согласиться с выводом автора книги о том, что «юридическую науку нужно существенно обогатить знанием относительно правового содержания политической оппозиции». Нам остается только в очередной раз поприветствовать опубликование книги С. В. Васильевой и выразить надежду на дальнейшее развитие юридического анализа института политической оппозиции.